Горюнов Алексей Владимирович

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ: ЭКСПЛИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются модели социальных инноваций, сформулированные в рамках философии и социальных наук, проводится различие между преднамеренными и непреднамеренными, а также между вынуждаемыми и невынуждаемыми социальными инновациями. Ретроспективный взгляд на проблему позволил выявить, по меньшей мере, три модели социальных инноваций, которые условно названы "проективными", "эмерджентными" и "перманентными". В заключении статьи анализируются способы (стратегии) использования данных моделей для изучения социально-инновационных процессов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 54-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

8. Уголовное право Российской Федерации: общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2004. 553 с.
9. Шишков С. Освобождение от наказания в связи с психическим расстройством // Законность. 2007. № 11. С. 14-16.
10. Щепельков В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М., 2003. 416 с.

ABSOLUTION FROM SENTENCE SERVING IN CONNECTION WITH ILLNESS: SCIENTIFIC APPROACHES AND INTERPRETATION PROBLEMS

Aleksandr Aleksandrovich Gorshenin, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of Criminal Law and Criminology
Ul'yanovsk State University
goral1980@rambler.ru

The author researches the types of the absolution from sentence and its serving in connection with illness such as the absolution from sentence serving in connection with mental disorder, with other serious diseases, with the disease which makes a serviceman unfit for military service.

Key words and phrases: absolution from sentence in connection with illness; absolution from sentence serving in connection with illness; mental disorder; mental incompetence; coercive actions of medical character.

УДК 316.422

В статье рассматриваются модели социальных инноваций, сформулированные в рамках философии и социальных наук, проводится различие между преднамеренными и непреднамеренными, а также между вынуждаемыми и невынуждаемыми социальными инновациями. Ретроспективный взгляд на проблему позволил выявить, по меньшей мере, три модели социальных инноваций, которые условно названы «проективными», «эмерджентными» и «перманентными». В заключении статьи анализируются способы (стратегии) использования данных моделей для изучения социально-инновационных процессов.

Ключевые слова и фразы: социальные изменения; социальные инновации; модель социального процесса; проект; вызов и ответ; мутация; отбор.

Алексей Владимирович Горюнов, к. филос. наук
Кафедра философии
Ульяновский государственный университет
algor74@inbox.ru

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ: ЭКСПЛИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ©

Работа создана при поддержке гранта ФЦП Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

В настоящее время проблема инноваций приобрела большое теоретическое и практическое значение. В научный оборот этот термин был введён представителями диффузионизма, которые понимали под инновацией процесс заимствования какого-либо культурного явления одной культурой у другой, что приводило к появлению новых черт у «принимающей» культуры. Однако примерно с 30-х гг. XX в. инициатива в этом вопросе перешла к экономическим дисциплинам: «инновация» стала рассматриваться, по преимуществу, как экономическая категория, а основное внимание стало уделяться научным, технологическим и организационным инновациям с точки зрения их экономической эффективности. Эти вопросы стали предметом изучения таких дисциплин, как инноватика, инновационный менеджмент и некоторых других. И лишь в последние годы особое внимание вновь стало уделяться социальным инновациям, в том числе в социально-философском и философско-историческом аспектах [1; 2; 5; 8].

Целью настоящей работы является выявление моделей социальных инноваций, разработанных в социальном знании прошлого и настоящего, а также их последующий анализ.

Термин «инновация» в экономических науках часто рассматривается как соотносительный с понятием «инновационная деятельность» в том смысле, что инновацию определяют как результат инновационной деятельности. Такой подход предполагает, что любая инновация мыслится исключительно как результат творчества, а значит, как результат преднамеренных действий. Следовательно, инновации как явлению социокультурной реальности, согласно данной точки зрения, должна предшествовать некоторая инновационная (новаторская) идея, проект. Однако по отношению к социальным инновациям, инновациям в истории этот вывод не всегда справедлив. На практике оказывается, что «сознательные» инновации - это лишь частный, предельный и далеко не самый распространенный случай социальных инноваций вообще.

© Горюнов А. В., 2011

Так, лейтмотивом статьи В. Г. Федотовой [10] является мысль о том, что большинство наиболее значимых инноваций на макросоциальном уровне вообще никем не планировались, а представляют собой «естественно-исторические» тенденции развития. Хотя для современных обществ, в отличие от традиционных, инновация является способом сохранения устойчивости, способом его воспроизводства, на макросоциальном уровне всё же продолжают преобладать естественно-исторические изменения, а наше стремление поставить их под свой контроль - это пока всего лишь «стремление к проектированию». Вместе с тем на микросоциальном уровне, соглашается автор, инновации в большей степени связаны с проективной деятельностью.

Из рассуждений В. Г. Федотовой несложно эксплицировать представление о двух видах инновации. Первый вид - непреднамеренные инновации (сама В. Г. Федотова их называет «естественно-историческими»), возникшие спонтанно, стихийно, вне контекста какого-либо проекта или группы проектов. Второй вид инноваций - преднамеренные инновации, возникающие в результате реализации какого-либо проекта, идеи.

Различением преднамеренных и непреднамеренных инноваций суть вопроса не исчерпывается. При более внимательном рассмотрении оказывается, что преднамеренные инновации, в свою очередь, можно разделить на вынуждаемые и невынуждаемые. В первом случае к социальным изменениям нас подталкивает среда, складывающаяся ситуация, обстоятельства, а во втором - они возникают в результате свободного творчества, когда новация спонтанно возникает и лишь затем оказывается социально востребованной.

Таким образом, мы можем выделить три вида инноваций и, соответственно, три вида инновационных процессов, дав им для удобства условные обозначения: непреднамеренные инновации мы будем называть «эмерджентными», преднамеренные и вынуждаемые - «проектными», преднамеренные и невынуждаемые - «перманентными». Ретроспективный взгляд на проблему показывает, что в социальной философии и науке были описаны все три модели инноваций, в том числе и в таких концепциях, где термин «инновация» непосредственно не употребляется.

Модель «проектных» инноваций

Модель «проектных» инноваций предполагает, что инновации возникают как творческое, но всё-таки *преднамеренное* решение встающих перед обществом проблем. Это означает, что сначала возникает проблема, объективная потребность в каком-либо новом социальном явлении, затем некоторый проект её решения, и лишь после этого - само это новое явление.

Важно отметить, что конечный эффект (реальные последствия) таких инноваций может как совпадать, так и не совпадать с проектами. Причинами расхождения между результатом и замыслом могут быть либо «сопротивление среды», либо контригра других социальных субъектов. Сопротивление среды - это термин, указывающий на известную автономность объекта по отношению к любому управляющему воздействию. Воздействие на объект преломляется через закономерности последнего, что и создаёт, образно выражаясь, *коэффициент искажения* или, как говорят в теории управления, «вектор ошибки». Что касается противодействия других субъектов, то это тривиально и не нуждается в пояснениях.

Сказанное *не означает*, что при проективных инновациях фактический результат вообще никак не связан с характером проекта. Речь идёт лишь о том, что между ними нет причинной или функциональной связи. Однако хотя результаты деятельности почти никогда не совпадают с нашими целями, но они находятся в определённой, хотя и *мягкой* (*нелинейной?*) корреляции с нашими фактическими действиями. А наши фактические действия, как очевидно, коррелятивно связаны с нашим целеполаганием (проектированием), которое включает в себя не только саму цель, но и представление о допустимых средствах, оценку окружающей реальности, прогноз развития ситуации и т.д. Здесь возможна даже обратная корреляция, когда наше воздействие на объект не приближает нас к желаемой цели, а отдаляет от неё. Обычно это связано с неверным пониманием сущности объекта управления и, как следствие, с неадекватным выбором средств достижения цели. Но это не отменяет того, что полученный результат неким закономерным, хотя и непредзаданным, образом связан с нашими фактическими действиями и в конечном счёте нашим проектом.

Наиболее рельефно этот подход представлен в историософской концепции А. Тойнби.

Согласно Тойнби, развитие локальных цивилизаций подчиняется действию феномена вызова-и-ответа. Инновации в обществе не возникают спонтанно, сами собой. Напротив, общество остаётся в состоянии покоя, воспроизводит себя в наличном состоянии до тех пор, пока крайняя необходимость не заставит его прийти в движение. Такую необходимость мыслитель поэтически называет вызовом, хотя за этим термином скрывается прозаическое, если не сказать, банальное содержание: «Общество в своём жизненном процессе сталкивается с рядом проблем, и каждая из них есть вызов» [9, с. 114]. Вызов может состоять в давлении на данное общество со стороны природной или социальной среды, которое ставит перед обществом новые проблемы и тем самым *вынуждает* общество к внутренней трансформации.

Единственным критерием роста, успешного развития цивилизации является её способность давать эффективные ответы на всё новые и новые вызовы, т.е. способность к самодетерминации. При этом каждый ответ автоматически порождает новый вызов и тем самым начинает новый цикл действия этого феномена. Рост цивилизации будет продолжаться лишь до тех пор, пока она способна решать возникающие перед ней проблемы. И лишь неспособность цивилизации дать успешный ответ на очередной вызов истории приводит цивилизацию к надлому и последующему распаду.

Ответ, или (как бы сейчас сказали) проект, формулируется так называемым творческим меньшинством, элитой. Этот процесс подчиняется ритму ухода-и-возврата. На первом этапе творческие личности, чтобы сформулировать эффективное решение стоящих перед обществом проблем, должны первоначально отрешиться от мира, жить и мыслить независимо от него. Они не только могут, но и должны подняться над современным им уровнем мышления, выйти из-под влияния культурного контекста, который их окружает. На

втором этапе, этапе собственно изоляции, формулируется сам ответ. И лишь затем, на третьем этапе, достигнув поставленной цели, творческое меньшинство как бы возвращается в мир, вновь включается в общественную жизнь, придавая своему проекту форму, приемлемую и понятную нетворческому, косному большинству [Там же, с. 292-293].

Феномен ухода-и-возврата составляет ядро, основу процесса создания и внедрения социальных инноваций, но не исчерпывает его. После «возврата» в мир творческое меньшинство должно ещё убедить косное, инертное большинство в необходимости принятия их проекта. Если этого не происходит, то движение ухода-и-возврата оказывается бесполезным. И лишь при положительном исходе дела элита и большинство солидарно претворяют проект в жизнь: элита - осознанно, а большинство - на основе подражания, мимесиса. Но только их солидарные действия приводят к реализации проекта, к ответу на вызов истории.

Таким образом, из учения А. Тойнби следует, что ответы, формулируемые творческими личностями, носят подлинно творческий, инновационный характер и не могут быть просчитаны заранее. Они ***не*** являются жёстко и однозначно детерминированными ни характером вызовов, ни окружающей творческих людей социальной средой. Следовательно, направление развития общества и содержание этого процесса зависит от творческих решений конкретных людей или небольшой группы лиц, а не от набора якобы вечных и неизменных факторов, «движущих сил» истории.

В дополнение к сказанному отметим, что причиной инноваций философ считает главным образом *экзогенные*, то есть приходящие извне факторы, которые становятся внутренними для данного общества лишь после осознания вызова и его характера, а саму формулировку проекта инновации называет подлинно творческим актом, связанным с трансцендированием, выходом за пределы наличного состояния общества и среды.

Подведём итоги. Жизненный цикл инновации, по Тойнби, если взять его полностью, включает в себя следующие стадии.

1) Вызов - возникновение проблем, препятствующих существованию общества в наличном состоянии, их осознание творческим меньшинством.

2) Уход - духовно-психологическая, а иногда и физическая самоизоляция творческого меньшинства как предпосылка поиска ответа.

3) Формулировка ответа в условиях самоизоляции.

4) Возврат - возвращение творческих личностей в общество, пропаганда (популяризация) проекта.

5) Ответ - принятие большинством нового проекта, его реализация.

Модель эмерджентных инноваций

Модель эмерджентных инноваций предполагает, что все действительно значимые инновации появляются спонтанно, непреднамеренно и неожиданно, подобно новшествам в природе, возникающим в результате мутаций. При этом аналогия с биологической эволюцией может быть продолжена. Именно *возникновение* социальных инноваций не связано с объективной необходимостью, но с ней связан их *отбор*. Возникнув спонтанно и непреднамеренно, некоторые социальные явления в изменившихся условиях, например при переходе общества в новую фазу развития, в период кризиса общества, оказываются востребованными. Такие востребованные инновации распространяются в обществе, переходят из разряда периферийных, второстепенных в разряд основных, доминирующих.

И всё же аналогия с инновациями в природе не может быть полной, поскольку в обществе любые эффекты в конечном счёте являются результатом преднамеренных действий людей. Другое дело, что эти действия вызывают к жизни, в том числе, и такие следствия, которые действующие субъекты даже отдалённо не предвидели и не желали. Лучше всего эту ситуацию передаёт термин «эмерджентность» в том смысле, в каком он используется представителями исторической социологии. Эмерджентными здесь называют «непреднамеренные следствия преднамеренных действий людей». Это означает, что фактические изменения здесь не являются следствием замыслов людей. Каждый индивид или социальная группа преследуют свои локальные цели на микроуровне, а на макроуровне это даёт никем не планируемые эффекты.

О таких «неожиданных» последствиях писали ещё представители классической философии истории - Дж. Вико, К. Маркс, Г. Спенсер и др. Например, Г. Спенсер в одном из фрагментов поясняет, что не повеления какого-либо правителя, а естественных ход событий привёл к разделению общества на мануфактуристов и рабочих, и промышленность западных стран долгое время развивалась не только без помощи законодательства, а, скорее, вопреки законодательным притеснениям [7, с. 266], и, следовательно, развитие общества «представляет собой возрастание, а не искусственное произведение» [Там же, с. 269].

Однако в классической историософии такие неожиданные (для людей) эффекты объяснялись действием неизменных законов истории (К. Маркс), универсальных механизмов социальной эволюции (Г. Спенсер) или «планом» Мирового Духа (Гегель), и, следовательно, они не рассматривались как подлинные инновации. Они были неожиданными «для нас», а не «в себе». И лишь в «современной» социальной философии такие эффекты принято рассматривать как неожиданные, непредзаданные социальные изменения, признавая тем самым подлинную альтернативность, вариативность социальной эволюции.

Иллюстрацией этого подхода может служить синергетическая концепция культуры А. П. Назаретяна.

Как показывает синергетика, сохранение системы - это сохранение её выделенности из среды, неравновесного отношения к среде. Исходным «стремлением» систем является их «стремление» к сохранению - сохранению в наличном состоянии. Такое состояние системы в синергетике называют устойчивым неравновесием, или гомеостазом. Но поддержание такого состояния не происходит автоматически, оно обеспечивается работой по противостоянию уравновешивающему воздействию среде и требует расходования определённых ресурсов.

Пока позволяют условия системы (в том числе социальные), развиваются экстенсивно, т.е. на основе уже сложившихся шаблонов выживания. Это сопровождается «наращиванием нагрузки на среду» и истощением необходимых системе ресурсов. В состоянии устойчивости система может отклоняться от оптимального устойчивого состояния лишь в определённых пределах. Пока такие колебания не выходят за определённые, «допустимые» пределы, система сохраняет жизнеспособность. Таков этап линейного, или относительно устойчивого, развития системы. Однако рано или поздно ресурсы истощаются, и эффективность «старых» шаблонов падает. В этих условиях следование старым шаблонам деятельности становится опасным для самой системы, зачастую угрожая её разрушением. Вот тогда-то и наступает этап неустойчивости, кризис системы: система попадает в «точку» бифуркации.

Сценарии выхода из кризиса, поясняет А. П. Назаретян, в синергетике называются аттракторами. Существует три возможных выхода из кризиса: разрушение системы, смена среды обитания и смена шаблонов деятельности.

Первые два сценария соотносятся с простым аттрактором, так как не предполагают, как бы сказали в диалектике, скачка на качественно более высокий уровень. Разрушение системы - это её уравновешивание со средой. Смена среды обитания, как правило, связана с сохранением прежних шаблонов деятельности. Более того, в отдельных случаях, пишет учёный, наблюдается «адаптивный регресс», когда сохранение системы удаётся достичь за счёт её упрощения и примитивизации.

Третий сценарий называется странным аттрактором. Такой сценарий и является случаем сохранения через развитие, так как смена шаблонов деятельности означает, что устойчивость системы удаётся достичь на более высоком уровне неравновесия со средой. Именно этот признак (уровень неравновесия со средой) и считается в синергетике, согласно А. П. Назаретяну, критерием развития, прогресса. Более прогрессивной является та система, которой удалось достичь устойчивости на более высоком уровне неравновесия со средой, в точке большего «удаления» от среды.

Иными словами, изменение, развитие системы происходит не «для того, чтобы», а «потому что». Системы не стремятся к чему-либо (цели, идеалу, суператтрактору), а просто «хотят» выжить: «прогресс - не цель и не путь к конечной цели, а *средство сохранения* неравновесной системы в фазах неустойчивости» [4, с. 155-156]. Важно подчеркнуть, что А. П. Назаретян чётко прописывает в своей концепции вариативность развития систем в точках бифуркации: «*Каждое* существенно новое состояние, - пишет автор, - есть ответ системы на складывающиеся обстоятельства, причём только один из возможных ответов» [Там же, с. 14].

До сих пор мы вроде бы видели полное сходство данной позиции с позицией представителей первого подхода и, в частности, А. Тойнби. И даже употребление термина «ответ» в этом смысле может казаться симптоматичным. В самом деле, не означает ли сказанное, что социальные новации, по Назаретяну, возникают как «ответ» на кризис системы в полном соответствии с предыдущей концепцией? Однако более глубокое изучение взглядов указанного автора показывает, что это не так.

Описание механизма преодоления кризисов ученый начинает с формулировки принципа избыточного разнообразия. Согласно этому принципу, именно разнообразие, накопленное системой в период «спокойного» развития, и является основным ресурсом, благодаря которому система получает шанс успешно преодолеть очередной кризис: «Шанс на конструктивное преодоление кризиса система получает в том случае, если она успела накопить (сохранить) достаточный внутренний ресурс слабо структурированного и актуально бесполезного разнообразия. Какие-то из «лишних» элементов, сохранившиеся на периферии системы, с изменением условий становятся доминирующими и обеспечивают образование новой, иногда более высокоорганизованной системы-наследницы» [Там же, с. 228].

Здесь важно подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, «неструктурированное разнообразие», по мнению А. П. Назаретяна, накапливается не в ядре, а на периферии системы и не связано с «основными» её противоречиями на данном этапе развития. Как следствие, во-вторых, появление такого разнообразия, т.е., по сути, новаций того или иного масштаба, не является предопределённым и предсказуемым. Скорее, они являются, как бы сказали в биологии, результатом мутаций, спонтанной активности. Этим обстоятельством во многом и объясняется вариативность развития: «…почти все новообразования в духовной жизни, в технологиях, в социальной организации, а ранее в биотических и физико-химических процессах представляют собой «химеры» - в том смысле, что противоречат структуре и потребностям метасистемы, - и чаще всего выбраковываются, не сыграв заметной роли в дальнейших событиях. Но очень немногие из таких химерических образований сохраняются на периферии большой системы (соответственно, культурного пространства, биосферы или космофизической Вселенной) и при изменившихся обстоятельствах могут приобрести доминирующую роль. Поэтому важнее выяснить не то, как и когда в истории возникло каждое новое явление, а то, каким образом оно сохранилось и когда и почему эволюционно востребовано после длительного латентного присутствия в системе» [Там же, с. 15].

Таким образом, согласно концепции А. П. Назаретяна, инновации, или, как он их называет, «химеры», возникают спонтанно, непредсказуемо в периферийных секторах системы, и лишь в период кризиса, при изменившихся условиях некоторые из таких инноваций оказываются востребованными и становятся основой «ответа» системы на кризисную ситуацию, перемещаясь с периферии в «ядро» системы. При этом исследователь, описывая механизм возникновения инноваций, не делает существенных различий между природными и социальными системами: его принцип избыточного разнообразия в равной степени применим и к природной, и к социальной эволюции.

Итак, в рамках модели эмерджентных инноваций обычно выделяются следующие фазы возникновения и отбора нововведений (названия условны).

1) Мутация - спонтанное появление инновации в периферийных секторах системы.

2) Селекция - период латентного существования инноваций, когда многие из них гибнут, так и оставшись невостребованными.

3) Скачок («взрыв») - отбор инновации как ответ на кризис, её переход из периферии в центр системы.

Модель перманентных инноваций

Модель перманентных инноваций изображает инновации как сознательные, но невынуждаемые изменения, как результат «чистого творчества». Корнями такие представления уходят, по-видимому, в религиозный креационизм, согласно которому Бог создал мир преднамеренно, но свободно, не вынуждаемый ничем внешним к акту творения. В рамках гуманизма Возрождения эта идея подверглась «секуляризации», и способность к творчеству была распространена и на людей.

Однако в социальной философии она появилась в эпоху Просвещения. Многие просветители объясняли социальный прогресс изначальной способностью человека к совершенствованию.

Так, Ж.-Ж. Руссо пишет: «Но если бы трудности, с которыми связано изучение всех этих вопросов, и оставляли все же некоторый повод для споров относительно этого различия между человеком и животным, то есть другое, весьма характерное и отличающее их одно от другого свойство, которое уже не может вызвать никаких споров: это - способность к самосовершенствованию, которая с помощью различных обстоятельств ведет к последовательному развитию всех остальных способностей, способность, присущая нам как всему роду нашему, так и каждому индивидууму» [6, с. 54]. Именно эта изначально данная человеку способность является основой всех наших успехов и несчастий, пороков и добродетелей [Там же, с. 55]. Правда, эта способность, по мысли Руссо, дана человеку в потенции, и развитие человека до цивилизованного состояния зависело от множества случайных условий. Однако из контекста видно, что эти условия не *вынуждали* человека к развитию, а, напротив, *благоприятствовали* развитию.

Похожие идеи мы находим в теории прогресса Ж.-А. Кондорсе. По его мнению, человеку изначально присущ разум, способность к познанию, которая лишь неуклонно совершенствовалась в ходе истории. И вновь мы имеем дело как бы с саморазвёртыванием изначальной способности человека, «благоприятствуемым необычными обстоятельствами» [3, с. 685-687].

Из современных концепций, где модель перманентных инноваций представлена наиболее рельефно и, можно сказать, концентрированно, следует выделить теорию И. В. Эйдмана.

По мнению исследователя, социальное поведение человека обусловлено тремя «инстинктами». Так называемый «основной социальный инстинкт» - это стремление к повышению своего социального статуса (к более высокому месту в социальной иерархии) и тем самым получению более выгодного доступа к социальным благам (потребление, престиж, свобода). Этот «инстинкт» определяет вектор социальной деятельности подавляющего числа индивидов, а отказ от связанных с ним задач, как правило, по мнению автора, является результатом манипуляции со стороны других индивидов [12, с. 21-22]. Помимо социальных мотивов, «в сознание каждого индивида от природы заложено стремление к творческой реализации» [Там же, с. 13]. Творческий инстинкт толкает людей на создание духовных и материальных ценностей, а творческие достижения в совокупности «составляют единый, идущий на протяжении всей истории человечества всемирный творческий процесс» [Там же, с. 15].

Наконец, «сберегающий социальный инстинкт» выступает по отношению к двум предыдущим как своего рода ограничительный критерий. Он стимулирует поиск наименее затратных путей достижения социальных целей индивида, заставляет отказаться от излишне рискованных предприятий.

Основой общественной жизни автор считает процесс социального обмена (т.е. обмен социальных и жизненных ресурсов, принадлежащих различным акторам, обмен одних социальных благ на другие), который может быть эквивалентным или неэквивалентным. Эквивалентный обмен является основой сотрудничества, а неэквивалентный обмен представляет собой эксплуатацию (использование), главными инструментами которой являются социальная манипуляция и социальное принуждение. Характеристики социального обмена зависят от степени рационализации человеческого сознания и системы социальных отношений. Чем «рациональнее» устроено общество, тем меньший диапазон средств может быть использован для принуждения или/и манипуляции и, следовательно, тем ближе социальная система подходит к идеалу эквивалентного обмена [Там же, с. 69-73].

Всемирный творческий процесс, по мысли Эйдмана, есть диалектическое единство двух видов деятельности: собственно творческой и манипулятивной. Оба вида деятельности являются *инновационными* по своему характеру, но отличаются по результатам. Творческая деятельность связана с получением новых знаний и технологий, что ведёт к созданию новых благ, увеличению объёмов производства существующих благ, совершенствованию (рационализации) механизмов их перераспределения в обществе. Конечным результатом творческой деятельности является совершенствование (рационализация) социальной организации. Манипулятивная деятельность, напротив, препятствует процессу рационализации сознания и общества. Она состоит в изобретении новых инструментов принуждения и обмана, ведущих к нарушению эквивалентного социального обмена.

Тем не менее в долгосрочной перспективе, уверен автор, творческая деятельность всегда оказывается более результативной, чем социальная манипуляция. Поэтому манипуляция способна лишь на относительно короткий срок сдерживать рационализацию общества. Человечество, по мнению Эйдмана, перманентно приближается к рациональному идеалу общественного устройства, где будет господствовать эквивалентный социальный обмен, хотя полное и точное осуществление этого идеала и невозможно. Это, как кажется автору, даёт ему право на следующий вывод: «Процесс рационализации является основным вектором социальной истории» [Там же, с. 246].

Подведём итоги. Собственно творческая деятельность в концепции Эйдмана имеет перманентный, т.е. невынужденный и вместе с тем преднамеренный характер. Её направляет изначально присущий человеку творческий инстинкт, а сама она приводит к рационализации общества. «Носителем» творческой деятельности являются страты интеллектуального труда. Манипулятивная деятельность, напротив, является ответом на очередной виток рационализации и вызвана стремлением правящей элиты к сохранению неэквивалентности социального обмена в новых

условиях. Отсюда социальная манипуляция, как её описывает автор, ближе к «проективному» виду инноваций. Но и собственно творчество, и манипулятивные новшества вместе противостоят традиции, т.е. деятельности по простому поддержанию существующего порядка, и поэтому могут быть отнесены к инновациям в широком смысле.

Стратегии исследования социальных инноваций

Исследование социальных инноваций возможно, по меньшей мере, в рамках трёх стратегий.

Первая стратегия предполагает, что данные модели являются методологическими конструкциями, реализующими различные и до известной степени несовместимые подходы к проблеме социальных инноваций. Здесь перед нами встаёт проблема выбора одной из описанных моделей как якобы более «правильной», более «адекватной», чем другие. В рамках этой стратегии делается упор, если использовать термин П. Рикёра, на конфликт интерпретаций. Вторая стратегия, напротив, рассматривает указанные концепты как виды социальных инноваций, допуская существование в реальности всех трёх видов, а указанные модели рассматривает как конструкции, дополняющие друг друга.

Очевидно, что в контексте современной социальной философии вторая стратегия выглядит более приемлемой. Вместе с тем из этого не следует, что три указанных вида инноваций играют одинаковую роль в обществе, а их модели имеют «равный» теоретический и методологический статус. Здесь полезно учитывать следующие аспекты.

Во-первых, их взаимное соотношение может меняться исторически - от эпохи к эпохе, от культуры к культуре. Впрочем, это тривиально.

Во-вторых, выделенные разновидности инноваций не следует рассматривать в контексте аристотелевской логики (логики необходимых и достаточных признаков). Согласно этому подходу, напомним, признаки видовых понятий одного рода можно разделить на две группы: родовые, присущие им всем в равной степени; видовые отличия, отличающие данный вид от всех других видов этого же рода. При этом классы отличительных признаков видовых понятий не могут пересекаться. Мы же предлагаем рассматривать разновидности инноваций в контексте логики семейных сходств Витгенштейна. «Инновации» - это не род, а семейство, а указанные разновидности инноваций обладают «семейным сходством», т.е. классы их признаков являются пересекающимися.

В-третьих, значение различных видов инноваций может варьироваться в зависимости от уровня рассмотрения. На уровне макротенденций сочетаются стихийно-исторические и проективные инновации, а на микроуровне, по всей видимости, задают тон именно перманентные инновации.

В частности, В. Г. Федотова в уже упомянутой работе [10] говорит о преобладающих на уровне микротенденций преднамеренных инновациях, «более очевидно имеющих проектные задачи», среди которых она называет и социальные манипуляции. Очевидно, что социальные манипуляции вызваны к жизни не столько вынуждением, сколько желанием доминировать, удерживать инициативу (читай - власть, богатство) в своих руках. Другим примером перманентных инноваций, вероятно, является творческая деятельность в искусстве.

О диалектике преднамеренного и непреднамеренного в деятельности людей пишет П. Штомпка. Он также указывает, что действия людей на микроуровне носят, по преимуществу, преднамеренный, сознательный характер. Однако на макроуровне, уровне «структур», пересечение этих действий вызывает неожиданные, «эмерджентные» эффекты. Структуры обладают своей логикой и не сводимы к сумме деятелей-агентов, хотя и невозможны без последних. Активность структур, которую исследователь называет оперированием (в отличие от действия отдельного актора), также обладает определённой непредсказуемостью по отношению к действиям, предпринимаемым агентами. Автор резюмирует свою мысль следующим образом: «Мы определили структуры как статические эмерджентности по отношению к субъектам, даже если бы без их действий не было структур. Соответственно, операции - это также динамические эмерджентности по отношению к действиям, пусть даже без действий не было бы операций» [11, с. 269].

Представленные модели инноваций следует рассматривать как методологический инструментарий, а не как онтологические построения. Следовательно, конкретная социальная инновация может более или менее успешно описываться одной из этих моделей, но может не подпадать и не под одну из них.

Поэтому возможна третья стратегия, выстроенная по аналогии с тем, как в логике дают логическую характеристику понятиям. Для этого необходимо выделить виды социальных инноваций по принципу бинарных оппозиций, каждая из которых выделена по одному определённому критерию, а затем приписывать конкретному инновационному процессу по одной категории из каждой пары.

Даже не углубляясь в эту проблему, мы можем выделить, например, следующие виды инноваций.

1. По отношению к сознанию социальных акторов, как уже говорилось, выделяются преднамеренные и непреднамеренные инновации.

2. По влиянию среды, опять-таки как уже было сказано, можно выделить вынужденные и невынужденные инновации.

3. По отношению к существующему социальному порядку инновации бывают сохраняющие и преобразующие. Первые направлены на сохранение системы или социального режима через изменения, отказ от которых грозит системе или социальному режиму существенными проблемами или даже гибелью. Как правило, это локальные изменения системы, принимаемые ради её сохранения в наличном состоянии. Преобразующие инновации, напротив, направлены на радикальные изменения системы, после которых она меняет своё качество, а значит, уже не остаётся собой в точном смысле.

4. Следуя И. Эйдману, можно выделить инновации, направленные на более полное удовлетворение человеческих потребностей (включая рационализацию общественной жизни), и инновации манипулятивного характера, нацеленные на обман и в конечном счёте эксплуатацию элитой основной части населения. В таком делении инноваций явно выражен оценочный аспект. Понятно, что первые инновации являются «хорошими», а вторые - «плохими».

Разумеется, возможны и другие виды социальных инноваций, но перед нами не стоит задача дать их полный перечень. Однако и выделенных видов достаточно, чтобы дать характеристику некоторому социально-инновационному процессу. Мы после соответствующего исследования можем сказать, что, например, социальная инновация ***X*** является, скажем, преднамеренной, невынужденной, сохраняющей и манипулятивной.

Вероятно, именно такой подход является более гибким, а значит, и более продуктивным, так как позволяет с большим вниманием относиться к апостериорным данным, получаемым представителями конкретных социальных наук.

Список литературы

1. **Агранович В. Б.** Инновации в транзитивном обществе: социально-философский анализ: дисс. ... кандидата философских наук. Томск, 2007. 147 с.
2. **Карпова Ю. А.** Введение в социологию инноватики: учебное пособие. СПб.: Питер, 2004.
3. **Кондорсе Ж.-А.** Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума: введение // Антология мировой философии: в 4-х т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 685-693.
4. **Назаретян А. П.** Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории: синергетика - психология - прогнозирование. М.: Мир, 2004. 367 с.
5. **Романов В. Л.** Социально-инновационный вызов государственному управлению [Электронный ресурс]. URL: http://spkurdyumov.narod.ru/Romanov333.htm
6. **Руссо Ж.-Ж.** Рассуждение о происхождении неравенства между людьми // Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 31-108.
7. **Спенсер Г.** Социальный организм // Опыты научные, политические и философские / пер. с англ.; под ред. Н. А. Рубакина. Минск, 1999. С. 265-306.
8. **Теркина А. В.** Инновация как социокультурный феномен: дисс. … кандидата наук. М., 2006. 166 с.
9. **Тойнби А. Дж.** Постижение истории: сборник / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Айрис-пресс, 2004. 640 с.
10. **Федотова В. Г.** Социальные инновации: макро- и микротенденции // Вопросы философии. 2010. № 10.
11. **Штомпка П.** Социология социальных изменений / пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
12. **Эйдман И. В.** Прорыв в будущее: социология Интернет-революции. М.: ОГИ, 2007. 384 с.

SOCIAL INNOVATIONS MODELS IN SOCIAL PHILOSOPHY AND SCIENCE: EXPLICATION AND SOCIAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Aleksei Vladimirovich Goryunov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Ul'yanovsk State University
algor74@inbox.ru

The author considers social innovations models formulated within the limits of philosophy and social sciences, differentiates between deliberate and indeliberate and also between compelled and non-compelled social innovations. The retrospective view on the problem allowed revealing at least three social innovations models which are nominally called “projective”, “emergent” and “permanent”. The ways (strategies) of using these models for studying social-innovative processes are analyzed in conclusion.

Key words and phrases: social changes; social innovations; social process model; project; challenge and response; mutation; selection.

УДК 355.58

Статья раскрывает содержание организационной и практической деятельности первичных подразделений и формирований местной противовоздушной обороны Москвы в ходе ликвидации последствий первых массированных налетов немецко-фашистской авиации на столицу в годы Великой Отечественной войны. Основное внимание в работе автор акцентирует на мужественных и решительных действиях бойцов МПВО и населения Москвы при тушении пожаров и возгораний на объектах города.

Ключевые слова и фразы: воздушный налет; местная противовоздушная оборона; воздушная тревога; зажигательная бомба; пожарная охрана; группа самозащиты; убежище.

Александр Викторович Гусев, к.и.н., доцент
Кафедра промышленной экологии и безопасности
Костромской государственный технологический университет
gusev.aleksandr@list.ru

ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ПЕРВЫХ МАССИРОВАННЫХ НАЛЕТОВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ АВИАЦИИ НА МОСКВУ©

В ходе первого массированного налета фашистской авиации на Москву, который состоялся в ночь с 21 на 22 июля 1941 года, около 60 немецким бомбардировщикам удалось прорваться к городу и сбросить 30

© Гусев А. В., 2011